

УДК 130.2:316.74

ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Кузьмин Н. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: kuzsim@rambler.ru

Коллективная память, являясь феноменом культуры, имеет свою специфику в разные культурные эпохи. Если применить к развитию человечества различие «традиционное общество – модерн – постмодерн», то можно говорить о коллективной памяти традиционного общества как особом феномене. Актуальность исследования коллективной памяти обществ, построенных на приоритете традиции, определяется двумя тенденциями, характерными для современного мира: тенденция архаизации и тенденция роста влияния религии.

В традиционных обществах, к которым относятся социумы от архаических племен до развитых государств преמודерна, коллективная память формировалась в условиях высокой ценности прошлого по сравнению с настоящим, смешения профанного и сакрального, приоритета ценностей над фактами, неразвитости рациональной критики, высоким уровнем воображения. Традиционное сознание стремилось защитить свои ценности и коллективная память подчинялась этой цели. Исторические конструкты выступали как обоснование необходимых нововведений при помощи исторических аналогий и сконструированных прецедентов. Нарративы о прошлом обосновывали социальную структуру, нормативный и институциональный порядок. Династии обосновывали историей право на власть и иерархию по отношению к подданным и другим династиям, локальные и профессиональные сообщества защищали свои особые права путем апелляции к историческим прецедентам и преданиям. Особенности коллективной памяти традиционного общества являлись: общественное сознание было «погружено» в память; слабые коммуникации между конфликтными нарративами не стимулировали выработки какого-то общеприемлемого варианта, каждое смысловое пространство жило со своими смыслами; конфликтность коллективной памяти в коммуникациях с иными сообществами была низкой; исторический опыт преобразался и дополнялся воображаемым, которое становилось основой инсценирования прошлого; легитимность исторической интерпретации обеспечивалась верой, а закрепленная интерпретация прошлого становилось основой легитимации веры, в результате чего создавалась цикличность воспроизводства коллективной памяти

Ключевые слова: коллективная память, историческая память, традиционное общество, миф, исторический нарратив.

Феномен коллективной памяти можно считать своеобразной культурной универсалией. Она в том или ином виде присутствует в культурных и социальных практиках человеческих сообществ всех исторических эпох. Коллективная память это и мифологические сказания, объясняющие через события легендарного прошлого наличные практики общества и мироздание в целом, проявляется она и через конкуренцию интерпретаций в исторических хрониках, обоснование

исторических приоритетов и естественных прав, исторические метанарративы идеологий и конструктов национального государства, симулякрное разнообразие современных клиопродуктов.

В то же время инвариантность коллективной памяти как универсального феномена культуры не отрицает наличие ее исторической специфики в различные социокультурные эпохи. Ведь исторические типы человеческих сообществ отличаются друг от друга способами конструирования картины мира, обоснования легитимности властных отношений, неоднородности социальной структуры и т. п. По мнению Р. Коллингвуда, прошлое становится объектом мысли при помощи исторического воображения [1, с. 231]. В то же время способы воображения, его роль в формировании исторических нарративов исторически изменчивы. Поэтому вполне обосновано можно утверждать о наличии исторических типов коллективной памяти и привязывать эту типологию к выявленным наукой историко-культурным этапам развития человечества.

Основываясь на достаточно распространенной типологии, фундированной именно спецификой социальности, ценностного сознания и понимания мира, можно утверждать о наличии отдельных типов коллективной памяти в эпохи традиционного общества, модерна и постмодерна (второй модерн, поздний модерн, зрелый модерн и т. д.). Каждый из этих типов коллективной памяти требует отдельного описания. Цель данной статьи – обосновать специфику коллективной памяти традиционного общества и определить ее характерные особенности.

Актуальность исследования особенностей конструирования и функционирования коллективной памяти в обществах, относимых к эпохе доминирования традиции в культуре и социальности, определяется тем, что в современной культуре отчетливо можно увидеть тенденции к архаизации, в которых, по мнению А. Ахиезера, общество в результате усложнения проблем вместо поиска ответов на вызовы времени резко, инверсионно возвращается к прежним ценностям, культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях [2, с. 91]. Формы коллективной памяти, существовавшие в прошлом, как и другие более простые формы психической жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультуриваются, застраиваются более высокими слоями [3, с. 18] и поэтому неудивительно, что они могут проявляться на более поздних этапах развития культуры и являются предметом, достойным изучения.

Рост уровня религиозности и значения религии и ее институтов в жизни общества также создает условия для усиления влияния традиционных типов мировоззрения и мироощущения на современные нарративы коллективной памяти. Актуальность специального исследования особенностей коллективной памяти в традиционных обществах определяется и тем, что в домодерную эпоху были выработаны основные механизмы формирования и использования исторической коллективной памяти, которые затем использовались в современных обществах и продолжают применяться в современную эпоху прощания с модерном.

Проблемам коллективной памяти, исторической памяти, политике и культуре памяти посвящено множество исследований и актуальность этой проблемы в науке

не снижается. Но, как правило, такие исследования направлены на анализ использования памяти в актуальной политической борьбе [см., например 4, с. 46–53], в качестве технологий реализации культурной политики, патриотического воспитания [5, с. 125–132], создания мемориальных пространств и памятных мест [6, с. 132–136], конституирования актуальных социумов и групп [7, с. 152–156]. Сравнительно-исторический контекст конструирования и функционирования памяти как института культуры исследован гораздо меньше.

Коллективная память – это феномен, благодаря которому группа сохраняет себя в потоке времени, в истории. М. Хальбвакс показывает, что благодаря коллективной памяти «группа чувствует, что она осталась той же, и осознает свою самоидентичность во временном измерении». А разрыв в памяти, утрата интереса группы к части своего прошлого означает, что мы имеем дело с двумя группами, сменяющими друг друга [8, с. 25]. В коллективной памяти история неразрывна и определяет положение группы системе отношений с другими. Осознавая себя как часть потока поколений, ныне живущие представители группы оказываются способными транслировать групповые интересы и ценности, отстаивать их во взаимоотношениях с иными социальными общностями, то есть выступать в качестве субъекта. Очевидно, что способы построения коллективной памяти будут исторически и культурно изменчивы и в обществах, которые принято относить к традиционным, коллективная память будет строиться иначе, чем в современных.

К традиционным можно относить общества, в культуре которых традиция играет роль главного механизма воспроизводства институционального и нормативного порядка, поддержка которого обосновывается фактом существования этого порядка в прошлом [9, с. 140]. К специфике картины мира культур, относимых к эпохе традиционного общества (от архаических человеческих сообществ до социумов развитых государств средневековья), и существенной для формирования коллективной памяти таких сообществ, можно отнести совмещение в рамках одного дискурса профанного и сакрального, более высокий статус свершившегося в прошлом в сравнении с настоящим, отсутствие процедуры рациональной фальсификации знания, приоритет назидательности над фактической точностью, значительная доля исторического воображения. Специфику традиционного исторического сознания можно увидеть в классификации исторических нарративов немецкого историка Йорна Рюзена, который выделил четыре типа, последовательно сменяющих друг друга [10, с. 17–18]. К коллективной памяти традиционного общества можно отнести первые два: традиционный (признание значимости прошлых образцов деятельности) и назидательный (обоснование правил за счет обобщения событий прошлого), а последующие (критический и генетический виды), в которых критически осмысливается прошлое и возникает понимание исторического процесса как изменения

Важнейшее место в картине мира обществ традиционной эпохи занимают представления о процессе создания мироздания, появлении первых представителей человечества, образцов и правил социальных взаимодействий, технологий, государств и нормативного порядка. Сложившееся на конкретный исторический

момент состояние государства, общества обосновывалось наличием тех или иных исторических событий, вне зависимости от реального или вымышленного их характера. Причем исторический вымысел применялся не в виде исключения, в отсутствие других аргументов, вымысел органично вплетался в историческое обоснование, а его применение зависело только от воли автора текста.

Претензии в конкурентной борьбе во все времена опирались на исторические аргументы. Однако в нарративе традиционного общества их произвольное конструирование не имело практически никаких сдерживающих рамок и не подразумевало неискренности автора. Если в летописи, созданной в Киеве, легендарный основатель города Кий – это князь, участник международных отношений с самим византийским императором, то в тексте, написанном в Новгороде, Кий становится уже простым перевозчиком через Днепр. Иван Грозный вполне мог верить в свое происхождение от римских императоров и этой вере следовали его подданные. Такого рода примеры можно множить и множить. Подобное конструирование коллективной памяти являлось правилом, одним из основных методов политической аргументации в традиционных обществах.

Основывающимся на традиции культурам была свойственна высокая ценность моделей, извлеченных из прошлого. Отсюда обоснование необходимых нововведений при помощи исторических аналогий и сконструированных прецедентов. Интересным примером является аргументирование введения европейского мундира для японских чиновников в 1871 г. В указе императора Мэйдзи это делалось следующим образом: «Полагаем Мы, что одеждам следует меняться в лучшую сторону во времена перемен... Нынешние одеяния и головные уборы были определены по примеру установлений, существовавших в древнем государстве Тан. Они скроены ниспадающими и оставляют впечатление слабости. Считаем это весьма прискорбным. В нашей божественной стране с самого начала управление осуществлялось с опорой на военных. Сын Неба являлся главнокомандующим войсками, а люд поклонялся его обличью... Выгляда слабым, как можно управлять Поднебесной хотя бы один день? Так что теперь Мы желаем решительно изменить установления относительно одежды и обновить их, возвратиться к временам предков и построить государство с почтением к военному» [11]. То есть новация (переход к европейскому мундиру) легитимна, если это возврат к одежде предков.

Свободу обращения с историческими фактами, их подчинение дидактическим задачам текста можно проиллюстрировать примером «Песни о Роланде», где официальная история переплетается с эпосом, в результате чего возникает новая мифологема. Историческим фактом является гибель от рук горцев-басков бретонского маркграфа Роланда в 778 г. в Ронсевальском ущелье при отступлении армии франков через Пиренеи после неудачной кампании в Испании. В результате его переконструирования в соответствии с интересами коллективной памяти того времени возникло совершенно иное событие: героическая гибель в войне за веру от рук мусульман. Современный итальянский историк Ф. Кардини характеризует эту трансформацию следующим образом: «Военное поражение возвышалось до самоотверженного мученичества, религия нападавших менялась с христианской

(какой она в действительности была) на мусульманскую... Все это превратило позорное поражение в успех политической пропаганды. Последующие три века соперничества христиан и мусульман... только способствовали возвышению разрома в Ронсевальском ущелье до образца столетнего, а символической перспективе и вечного, поединка между христианством и исламом. Роланд превратился в святого покровителя этого поединка, почти канонизированного мученика» [12, с. 67]. Причем Роланд не сразу стал эпическим героем. Это произошло лишь в период активизации Реконквисты и крестовых походов. Сейчас уже невозможно установить, что стало причиной такой трансформации: стихийное конструирование коллективной памяти в эпосе или сознательная политика памяти. Дело не в этом, а в особом соотношении ценностей дидактики и факта в коллективной памяти традиционного общества.

Причем такие переконструирования нельзя оценивать как негативные. Они играли значительную роль в конституировании традиционных обществ и реализуемой в них политики. Трудно переоценить значение троянского эпоса для формирования античной Эллады и общезеллинской идентичности. Объективный анализ описываемых в нем событий показывает, что все было, мягко говоря, несколько не так, и вряд ли можно утверждать о значительной победе греков. Впрочем, это заметили еще в поздней античности, когда в условиях распада прежней культуры были подвергнуты определенной деконструкции мифологемы, лежащие в основе эллинского единства [13, с. 112–115, с. 147–153]. В данном контексте нельзя не согласиться с мнением С. В. Алексеева о том, что коллективная память «акцентирована на отборе преимущественно позитивного опыта, прославлении “своих” подвигов и свершений, что естественно отражается и в историческом предании, и особенно в героическом эпосе». В этом смысле коллективная память «естественным образом мифологична, создает высокий Миф об истории» [14]. Культура традиционного общества естественным образом ориентирована на высокую ценность мифа и эпоса.

Еще одним примером конструирования коллективной памяти на основе откровенного мифотворчества является сконструированный в позднесредневековой Польше миф сарматизма, в котором польская шляхта объявлялась потомками античных сарматов. Возникновение такой своеобразной коллективной памяти сословия можно объяснить попытками показать особую историческую преемственность по сравнению с германским рыцарством, возводившим себя к героям-германцам, сокрушившим римскую империю и ставшими ее восприимчивыми. К тому же на фоне ренессансного воспеания античного наследия стать преемниками народа, описанного в греческих и римских хрониках, было довольно-таки престижно. Еще одна прагматика сарматизма – в претензиях на гегемонию в Восточной Европе. Образчиком такого конструирования коллективной памяти является речь, произнесенная гетманом Ходкевичем перед Хотинской битвой с турками в 1621 г.: «Вы природные сарматы, воспитанники могучего Марса, а предки ваши некогда на западе в Эльбе, а на востоке в Днепре забили железные сваи, как памятники вечной славы» [15, с. 41]. Этот миф имел и сословное значение – обосновать естественное право шляхты на господство над

крестьянством, поэтому его стала распространять на себя и украинская шляхта, обосновывая, в том числе, и свое равенство по отношению к польской. В Белоцерковском универсале (1648 г.) Богдана Хмельницкого уже говорится о том, что сарматы, жившие на территории Украины, раскололись и часть их переселилась на польские земли [16, с. 136].

Миф сарматизма показывает, как исторические построения и домыслы могли обосновывать социальную структуру. Традиционным обществам свойственна значительная социальная дистанция между слоями, группами, классами, высокая ценность иерархии, сегментация даже одностратусных групп. Вследствие этого коллективная память была разнонаправленной. Представителям правящих династий требовались обоснования своих исключительных прав на власть и они влияли на содержание исторических хроник в нужном для них ключе. Локальные и профессиональные сообщества защищали свои особые права путем апелляции к историческим прецедентам и преданиям, а рост повинностей возбуждал воспоминания о «старом добром порядке» и действия по его возвращению. Традиция поддерживалась и конструировалась для создания благоприятных исторических прецедентов. Такое конструирование присуще именно традиционалистской коллективной памяти. Трудно себе представить, чтобы представители современных господствующих классов обосновывали в публичном дискурсе особость своего происхождения.

Погруженность традиционных обществ в прошлое отчетливо видна в культурах предков, в которых представители предшествующих поколений переживались как современники, как часть реальности, как участники актуальных политических и культурных практик. А. Гуревич, характеризуя представления варваров раннего средневековья о прошлом, писал: «Культ предков, игравший огромную роль в жизни варваров, был связан с их отношением к времени. Предок мог вновь как бы родиться в одном из своих потомков – в пределах рода передавались имена, а вместе с ними и внутренние качества их носителей. Прошлое возобновлялось, персонифицировалось в человеке, который повторял характер и поступки предка» [17, с. 110].

Такое отношение к прошлому расширяло пределы актуальной социальности и одновременно размывало границы между сферой коллективной памяти и осознанием настоящего, что и порождало погруженность традиционных обществ в прошлое. Образно говоря, актуальные практики представляли собой вершину айсберга, большая часть которого покоилась в памяти о прошлом. Например, в истории Геродота о путешествии Гекатея Милетского в Египет рассказывается о том, как египетские жрецы смогли назвать Гекатею 345 предшествующих им поколений [18, с. 124–125]. Очевидно, что представитель традиционного общества, постоянно держащий в уме хотя бы десяток поколений своих предков (вне зависимости от того, реальны эти предки или вымышлены, а воспоминания даже о реальных мифологизированы), неизбежно должен был осознавать приоритет глубин прошлого над настоящим, с одной стороны, незначительность актуальной информации по сравнению с массивами исторической памяти, а, с другой – неразрывную связь с прошлым, и, повторюсь, погруженность настоящего в него.

Можно утверждать, что главным существенным признаком коллективной памяти традиционного общества было то, что данная социальность «погружена» в память, из нее органично произрастает социальная структура, институты, права и обязанности. Апелляция к историческим прецедентам является крайне весомым аргументом, пространство коллективной памяти переплетается с сакральным топосом, который по своей природе чужд рациональной аргументации, признанию приоритета достоверного факта над прагматической целью и ценностями. Традиционное сознание стремится в первую очередь защитить свои ценности и коллективная память полностью подчиняется этой цели, в результате чего выводимые из ценностей культуры институты оказываются конституированными коллективными представлениями о прошлом, которое имеет приоритет перед потребностями настоящего. Погруженность традиционных обществ в прошлое отчетливо видна в сравнении с коллективной памятью модерна, где интерпретации прошлого служили стартовой позицией для обоснования движения общества в будущее. Общества модерна отталкивались от прошлого, а традиционные – погружались в него [19 с. 26–28].

Ян Ассман справедливо утверждает, что коллективная память (в виде культурной памяти в терминологии Я. Ассмана) реализуется в формах поэтической, ритуальной инсценировки и коллективного участия [20, с. 59]. В прошлом, в домодерных обществах уровень их развития не давал возможности индивидуального усвоения исторического нарратива для большей части населения и усвоение конструктов коллективной памяти в большей степени происходило именно через коллективное участие (праздники, коллективное потребление эпоса и т. п.). Коллективные практики в большей степени способствуют погружению в нарратив, восприятию его как реальности.

Слабость и нерегулярность коммуникаций между несовместимыми нарративами коллективной памяти не стимулировали выработки какого-нибудь общеприемлемого варианта, каждое смысловое пространство жило со своими смыслами и достаточно мало и редко интересовалось, что думают по поводу их конструкций соседи. Тексты, в которых затрагивалась тема конфликта исторических интерпретаций, писались не для разрешения этого конфликта, а для подкрепления собственной картины мира. Например, киевский летописец, рассказывая о крещении князя Владимира в Херсонесе более чем через столетие после описываемых событий, упоминает, что есть и другие версии, но только упоминает, не обсуждая, не споря с ними и не обосновывая, почему он принял описываемую версию в качестве достоверной. Крещение в Херсонесе для него – абсолютная реальность, в которую он погружен и ему неинтересны альтернативные точки зрения. Аналогично современной конфессиональной коллективной памяти, сформированной на основе традиции, совершенно неинтересна дискуссия об историчности пребывания апостола Андрея или Климента Римского в Крыму, для нынешнего традиционного исторического сознания – это реальность *par excellence*.

Коллективная память по своей природе конфликтна, ибо она играет важную роль в формировании коллективных идентичностей и является их составляющей. Идентичности, вступая в конфронтацию с иными аналогичными феноменами,

используют свою коллективную память в качестве символического капитала. Это конфликтность обращена вовне и может носить явный характер и реализовываться в конфликтной коммуникации с памятью иных групп или же быть латентной, когда содержание разных коллективных памятей существенно противоречит друг другу, но при этом в практике взаимодействия эти содержания не пересекаются. Внутренняя конфликтность коллективной памяти – это удел современных обществ, где историческая дискуссия маркирует собой разделенность общества на группы.

В традиционных обществах конфликтность коллективной памяти на содержательном уровне была весьма высока, ибо никто не переживал по поводу уровня достоверности, а на уровне коммуникаций – низка, поскольку каждый был погружен в собственные исторические нарративы. В отличие от этого конфликтность современной коллективной памяти локализуется именно на уровне коммуникаций, когда одним из основных дискурсов коллективной памяти является обоснования «фальсификации» истории со стороны идеологических оппонентов [см., например, 21, с. 48–53].

Коллективная память в традиционных обществах нередко основывалась на инсценировке исторических событий, когда наличный исторический опыт преображался и дополнялся воображаемым, а нередко и воображенное становилось основой инсценирования прошлого. Условия достоверности используемых исторических конструктов были весьма, если так можно выразиться, либеральными. Легитимность исторической интерпретации обеспечивалась наличной верой, а закреплённая интерпретация прошлого становилась основой легитимации веры. Таким образом создавалась цикличность воспроизводства коллективной памяти, основанной прежде всего на обосновании ценностей сложившегося социального и культурного порядка.

Выводы. Особенности коллективной памяти традиционных обществ являются погруженность в прошлое, слабая степень конфликтности коллективной памяти за счет неразвитости коммуникаций и, соответственно, герметичности отдельных обществ, особые критерии достоверности исторического факта и его интерпретации, основанные на защите ценностей традиционного уклада, приоритете веры над знанием и вытекающей из этого цикличности воспроизводства коллективной памяти.

Список литературы

1. Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография* / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 486 с.
2. Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема / А. С. Ахиезер // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 89–100.
3. Абдрахманов Д. М., Буранчин А. М., Демичев И. В. Архаизация российских регионов как социальная проблема / Д. М. Абдрахманов, А. М. Буранчин, И. В. Демичев. – Уфа: Мир печати, 2016. – 404 с.
4. Кирчанов М. В. Историческая наука в политических дебатах и национальном строительстве (постсоветский опыт) / М. В. Кирчанов // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2013. – № 5 (21). – С. 46–53.
5. Антипов Г. А. Как и зачем нужно изучать историю в школе и университете? / Г. А. Антипов // *Высшее образование в России*. – 2013. – № 8–9. – С. 125–132.

6. Грива О. А. Памятники культурного наследия как носители смыслов истории / О. А. Грива // *Природа и человек в пространстве культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой Году экологии в РФ (кафедра этики, культурологии и связей с общественностью факультета философии и социологии БашГУ (г. Уфа, 27 апреля 2017 г.). Часть 1 / Отв. ред. З. Я. Рахматуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 132–136.*
7. Жуков Д. С., Лямин С. К. Формирование исторической памяти и образа желаемого будущего как инструменты социального развития / Д. С. Жуков, С. К. Лямин // *Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11 (057). – С.152–156.*
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс // *Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2/3 (40/41). – С. 8–27.*
9. Левада Ю. А. Традиция / Ю. А. Левада // *Философская энциклопедия: В 5-ти тт. / Под ред. В. Ф. Константинова. – Т. 5. – М. Советская энциклопедия, 1970. – С. 140.*
10. Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти / Л. П. Репина // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С.3–37.*
11. Мещеряков А. Н. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / А. Н. Мещеряков // *Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me20.html> (Дата обращения: 12.08.2017).*
12. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / Ф. Кардини. – СПб: «Александрия», 2007. – 332 с.
13. Матвейчев О., Беляков А. Троянский конь западной истории / О. Матвейчев, А. Беляков. – СПб.: Питер, 2014. – 224 с.
14. Алексеев С. В Историк и коллективная историческая память (на примере отношения к былинному эпосу) [Электронный ресурс] / С. В. Алексеев // *Культурологический журнал. – 2017. – №2(28). – Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/404.html&j_id=31 (Дата обращения: 12.09.2017)*
15. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой / М. В. Лескинен. – М., 2002. – 178 с.
16. Кресін О. Український сарматизм / О. Кресін // *Мала енциклопедія етнодержавознавства / НАН України, Інститут держави і права ім. В. М. Корецького ; ред. Ю. І. Римаренко [та ін.]. – К.: Генеза: Довіра, 1996. – С. 136.*
17. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
18. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
19. Кузьмин Н. Н. Историческая память в различных типах обществ / Н. Н. Кузьмин // *Вестник Луганского национального университета им. Тараса Шевченко (социологические науки). – 2010. – №12 (199). – Т.2. – С. 24–35.*
20. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
21. Коршунова О. Н., Поливанов Я. М. Фальсификация исторических образов как проблема функционирования коллективной памяти / О. Н. Коршунова, Я. М. Поливанов // *Вестник Чувашского университета. – 2011. – №1. – С.48–53.*

Kuzmin N. N. The Features of the Collective Memory in Traditional Societies // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 2. – P. 114-124.*

Being a phenomenon of culture, a collective memory has its own specifics in different cultural epochs. If we apply the distinction "traditional society - modern - postmodern" to the development of mankind, we can speak about the collective memory of a traditional society as a special phenomenon. The relevance of research societies, that are built on the priority of traditions, determined by two tendencies, which characterize the modern world: the tendency of archaization and the tendency of the growth of the influence of religion.

In traditional societies, which include societies from archaic tribes to advanced states of postmodern, a collective memory was formed in the conditions of a higher value of the past compared to the present, the mixing of the ordinary and sacred, the priority of values over facts, the underdevelopment of rational criticism

and the high level of imagination. A traditional consciousness sought to protect its own values and the collective memory obeyed this goal. The historical constructs served as a justification for the necessary innovations through historical analogies and constructed precedents. The narratives about the past justified the social structure, the normative and institutional order. Based on history, the dynasties explained their right to power and hierarchy in relation to subjects and other dynasties, local and professional communities defended their special rights by appealing to historical precedents and traditions.

The features of the collective memory of the traditional society were: the public consciousness was "immersed" in memory; weak communications between conflicting narratives didn't stimulate the development of any compromise solution: each semantic space lived with its own meanings; the conflict of collective memory in communication with other communities was low; the historical experience was transformed and supplemented by the imaginary, which became the basis for staging the past; the legitimacy of historical interpretation was ensured by faith, and the fixed interpretation of the past became the basis for the legitimation of faith, as a result the cyclicity of the reproduction of collective memory was created.

Key words: collective memory, historical memory, traditional society, myth, constitution, historical narrative.

References

1. Kollingvud R. Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya [Idea of History. Autobiography]. Moscow, Nauka, 1980, 486 p.
2. Akhiyezer A. S. Arkhaizatsiya v rossiyskom obshchestve kak metodologicheskaya problema [The Archaization in Russian Society as a Methodological Problem]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, 2001, № 2, p. 89–100.
3. Abdrakhmanov D. M., Buranchin A. M., Demichev I. V. Arkhaizatsiya rossiyskikh regionov kak sotsialnaya problema [The Archaization of Russian Regions as a Social Problem]. Ufa, Mir pechati, 2016, 404 p.
4. Kirchanov M. V. Istoricheskaya nauka v politicheskikh debatakh i natsional'nom stroitel'stve (postsovetskiy opyt) [Historical Science in Political Debates and National Building (Post-Soviet Experience)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2013, № 5 (21), p.46–53.
5. Antipov G. A. Kak i zachem nuzhno izuchat' istoriyu v shkole i universitete? [How and Why to Study History at School and University?]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2013, № 8–9, p. 125–132.
6. Griva O. A. Pamyatniki kul'turnogo naslediya kak nositeli smyslov istorii [Monuments of Cultural Heritage as Bearers of the Meanings of History]. *Priroda i chelovek v prostranstve kul'tury: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchonnoy Godu ekologii v RF (kafedra etiki, kul'turologii i svyazey s obshchestvennost'yu fakul'teta filosofii i sotsiologii BashGU (g. Ufa, 27 aprelya 2017 g.)). Chast' 1, otv. red. Z. YA. Rakhmatullina, Ufa, RITS BashGU, 2017, p. 132–136.*
7. Zhukov D. S., Lyamin S. K. Formirovaniye istoricheskoy pamyati i obraza zhelayemogo budushchego kak instrumenty sotsial'nogo razvitiya [Construction of Historical Memory and the Image of the Desired Future as the Instruments of Social Development]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*, 2013, №11(057), p.152–156.
8. Khalbaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2005, № 2/3 (40/41), p. 8–27.
9. Levada YU. A. Traditsiya [Tradition]. *Filosofskaya entsiklopediya: V 5-ti tt., T. 5, Moskva, Sovetskaya entsiklopediya, 1970, p. 140.*
10. Repina L. P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoy pamyati [The Experience of Social Crises in Historical Memory]. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati, pod red. L. P. Repinoy, Moskva, IVI RAN, 2012, p. 3–37.*
11. Meshcheryakov A. N. Otkrytiye Yaponii i reforma yaponskogo tela (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The Discovery of Japan and the Reform of the Japanese Body (the Second Half of the 19th - the Beginning of the 20th Centuries)]. [Elektronnyy resurs]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2009, № 100, URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me20.html>.

12. Kardini F. Yevropa i islam: istoriya neponimaniya [Europe and Islam: a History of Misunderstanding]. Sankt-Peterburg, «Aleksandriya», 2007, 332 p.
13. Matveychev O., Belyakov A. Troyanskiy kon' zapadnoy istorii [The Trojan Horse of Western History]. Sankt-Peterburg, Piter, 2014, 224 p.
14. Alekseyev S. V. Istorik i kollektivnaya istoricheskaya pamyat (na primere otnosheniya k bylinnomu eposu) [The Historian and Collective Historical Memory (on an Example of the Attitude to Epic)]. [Elektronnyy resurs]. Kulturologicheskiy zhurnal, 2017, №2(28), URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/404.html&j_id=31.
15. Leskinen M. V. Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noy ideologii Rechi Pospolitoy [Myths and Images of Sarmatism. The Origins of the National Ideology of the Rechi Pospolitoy]. Moskva, 2002, 178 p.
16. Kresin O. Ukraïns'kiy sarmatizm [Ukrainian Sarmatism]. Mala yentsiklopediya yetnoderzhavoznavstva, NAN Ukraïni, Ínstitut derzhavi í prava ím. V. M. Korets'kogo; red. YU. Í. Rimarenko [ta ín.]. Kiev, Geneza: Dovira, 1996, p. 136.
17. Gurevich A. YA. Kategorii srednevekovoy kul'tury [Categories of Medieval Culture]. Moskva, Iskusstvo, 1984, 350 p.
18. Gerodot. Istoriya v devyati knigakh. [History in Nine Books]. Per. i prim. G. A. Stratanovskogo. Leningrad, Nauka, 1972, 600 p.
19. Kuz'min N. N. Istoricheskaya pamyat' v razlichnykh tipakh obshchestv [Historical Memory in Different Types of Societies]. Vestnik Luganskogo natsional'nogo universiteta im. Tarasa Shevchenko (sotsiologicheskiye nauki), 2010, №12 (199), T.2, p. 24–35.
20. Assman YA. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moskva, YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 368 p.
21. Korshunova O. N., Polivanov YA. M. Fal'sifikatsiya istoricheskikh obrazov kak problema funktsionirovaniya kollektivnoy pamyati [Falsification of Historical Images as a Problem of Collective Memory Functioning]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2011, №1, p. 48–53.